

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Научная статья

УДК 81'37

Марина Александровна Симоненко

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

masimonenko@yandex.ru

**«ПОКРАСНЕТЬ ОТ СТЫДА» И «ПОБЕЛЕТЬ ОТ ЗЛОСТИ»:
ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ ЦВЕТОИЗМЕНЕНИЯ СОСТОЯНИЯ
ПОД ВЛИЯНИЕМ ЭМОЦИИ/ЧУВСТВА**

Аннотация. Исследование русских и английских высказываний с цветовыми предикатами выполнено в русле когнитивной семантики с учетом отдельных положений лингвосенсорики и эмотиологии. Моделирование когнитивного сценария цветообозначения перемены состояния под воздействием эмоции/чувства осуществлялось с применением пропозиционального анализа. Высказывается предположение, согласно которому типовой сценарий цветомаркирования состояния в ситуации эмоционального переживания базируется на элементарной каузативно-результативной пропозиции, основными компонентами которой являются субъект-носитель эмоции, эмотив-каузатор перемены состояния и цветовой предикат, фиксирующий результат воздействия эмоции/чувства. Исследование выполнено на материале двух корпусов – Британского национального корпуса и Национального корпуса русского языка. На основе больших баз данных делается вывод о наличии определённой корреляции между цветообозначением физиологической реакции и типом эмоции, стимулирующей данную реакцию.

Чем проще эмоция, тем более предсказуем физиологический ответ. Данное наблюдение распространяется на интра- и интерязыковой анализ. Например, цветами-прототипами для означивания злости, гнева в обеих рассматриваемых культурах служат «белый» и «красный». Отклонения от прототипического сценария наблюдаются в тех случаях, когда состояние каузируется сложной эмоцией или чувством. Для понимания мотивации выбора цветового маркера сложной эмоции/чувства следует учитывать расширенный круг участников денотативной ситуации – в поле внимания помимо субъекта состояния и каузатора-эмотива должны быть включены первичный каузатор, истинный триггер ситуации (человек или событие) и его атрибуты. На наш взгляд, дифференцированный подход к анализу высказываний с разными типами эмотивов призван прояснить причины прототипичности/вариативности когнитивных сценариев, используемых для продуцирования высказываний типа *Он покраснел от гнева* или *Он побелел от обиды*.

Ключевые слова: когнитивный сценарий, денотативная ситуация, пропозиция, эмотив, каузатор, прототип, цветовой предикат

Для цитирования: Симоненко М. А. «Покраснеть от стыда» и «побелеть от злости»: прототипические сценарии цветоизменения состояния под влиянием эмоции/чувства // Евразийский филологический вестник. 2024. Вып. 3 (7). С. 46–60.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

Marina A. Simonenko

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

masimonenko@yandex.ru

**«GO RED WITH SHAME» AND «GO WHITE WITH RAGE»:
PROTOTYPICAL SCENARIOS FOR COLOR CHANGE IN THE STATE
CAUSED BY THE EMOTION OR FEELING**

Abstract. Russian and English expressions with color predicates are studied within the framework of cognitive semantics with some findings of linguosensorics and emotiology taken into account. Cognitive scenario of coloring state change under the influence of emotion/feeling was modelled using propositional analysis. The study brings up an assumption that the typical cognitive scenario underlying color signification of the state change under the impact of an emotion rests upon an elementary causative-resultative proposition composed primarily of the subject-carrier of emotion, the emotion-casuator of the state change, and the color predicate fixing the effects of emotion/feeling. The study employed the material of two corpora – the British National Corpus and the National Corpus of the Russian Language. The databases enabled to make an inference that there is a certain correlation between the color predication of a physiological reaction and the type of emotion stimulating this reaction: the simpler the emotion, the more predictable the physiological response. This observation extends both to intra- and interlanguage analysis. For example, the prototypical colors for anger and rage in Russian and British cultures are «white» and «red». Deviations from the prototypical scenario occur when the state is caused by a complex emotion or feeling. In this case, better understanding of the motivation for color choice is achieved when an extended group of participants in the denotatum situation comes to the fore. The focus must be not only on the subject of the state and the casuator-emotive, but also on the primary causer, the true trigger of the whole situation (a person or an event), and its attribute. In our opinion, a differentiated approach to analyzing utterances with different types of emotives aims to clarify the reasons for prototypicality/variability of cognitive scenarios used to produce such utterances as *He went red with anger* or *He turned white with resentment*.

Key words: cognitive scenario, denotatum situation, proposition, emotive, causator, prototype, color predicate

For citation: Simonenko M. A. «Go red with shame» and «go white with rage»: prototypical scenarios for color change in the state caused by the emotion or feeling // Eurasian Philological Bulletin. 2024; (7): 46–60. (In Russ.).

Введение

В сенсорной лингвистике и в целом в когнитивной науке общепризнанным считается тезис о синтезе когнитивного, перцептивного, эмоционально-оценочного опыта в процессах оперирования знаками языка. В этой связи язык ощущений и эмоций рассматривается как «продукт сложного взаимодействия тела и разума, формирующийся в результате усвоения и «присвоения» индивидом культуры, в которой он воспитывается» [4, с. 13].

Данное исследование выполнено в русле когнитивной семантики с учётом отдельных положений лингвосенсорики [4; 7] и лингвистики эмоций [2; 8]. В фокусе внимания – предикатные цветообозначения эмоций в русском и английском языках. В рамках избранной парадигмы сочетания типа *покраснеть от стыда*, *turn/go red with embarrassment* становятся возможны благодаря наличию в когнитивной базе носителя языка схем знаний (фреймов, сценариев), которые формируются на основе пропозициональных структур, представляющих своего рода логико-грамматический скелет вербального высказывания.

Следует подчеркнуть, что разряд цветových глаголов относится к числу малоизученных, особенно в перспективе когнитивной семантики, в связи с чем изыскания в данной области представляются достаточно перспективными.

В семантике рассматриваемых сочетаний объединяются два модуса – перцептивный и эмотивный: знания, представления и переживания, связанные с восприятием цвета, проецируются в сферу эмоций, происходит «связь семантики восприятия с семантикой состояния» [4, с. 9]. Знаки языка

закрепляют метафорическое означивание эмоциональных состояний цветом и эксплицируют типовой сценарий ситуации, реализуемый строго линейно «от стимула к реакции» и базирующийся на элементарной пропозиции: Субъект<=Предикат<=Каузатор, где косвенным, опосредованным каузатором является эмоция/чувство. Итоговый когнитивный сценарий цветоизменения состояния под воздействием эмоции/чувства всегда складывается из совокупности последовательных упорядоченных цепочек пропозиций.

В вводной части следует уточнить некоторые термины, критически важные для понимания избранной парадигмы исследования, исходных данных и полученных результатов.

Под *когнитивным сценарием* понимается абстрактная ментальная модель ситуации, состоящая из совокупности эпизодов (пропозиций) и обладающая набором участников с закреплёнными ролями [3].

Для именования основных участников денотативной ситуации используются понятия, заимствованные из синтаксической семантики [5; 10] – *субъект-экспериенсер*, переживающий эмоцию/чувство, и *субъект-наблюдатель*, «закадровый» участник ситуации, фиксирующий внешнее изменение состояния носителя эмоции/чувства посредством цветового маркера.

С целью уточнения характера каузирующего компонента вводится понятие *каузатора-эмотива*, актанта, управляемого цветовым предикатом и мотивирующего цветоизменение состояния. Термин «эмотив», широко представленный в эмотиологии и охватывающий широкий диапазон лексических единиц – от названий эмоций до эмотивных междометий [2; 8] в данном исследовании трактуется в русле «понятийного подхода» как знак, средство обозначения чувств и эмоций (страх, радость, стыд, зависть) [2].

Из двух корпусов – Британского национального корпуса (БНК) и Национального корпуса русского языка (НКРЯ) было отобрано 8196 высказываний с русскими лексемами «покраснеть», «побелеть», «посинеть», английскими аналитическими формами *turn/go red*, *turn/go white*, *turn/go blue* и

эксплицитно/имплицитно выраженным эмотивом, например, *побелеть от злости, go white and angry*. Выбор данных лексем основан на математических данных Б. Берлина и П. Кэя, согласно которым самыми частотными цветообозначениями в разных языках являются белый, чёрный, красный, зелёный и синий [9].

В работе использовались метод моделирования когнитивного сценария на базе составляющих его пропозиций, а также сопоставительный метод на материале корпусов двух разноструктурных языков.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Когнитивный сценарий цветоописания состояния в ситуации переживания эмоции/чувства реализуется согласно базовому пропозициональному алгоритму Субъект-экспериенсер<=Цветовой предикат<=Каузатор-эмотив. Наблюдатель, как правило, находится «за кадром»; эмотив также может не вербализоваться, однако всегда легко реконструируется из контекста.

Прототипичность обсуждаемого сценария означает закрепление за одним состоянием одного доминантного цветообозначения (СТРАХ – белый; СТЫД – красный), отклонение от прототипического сценария подразумевает отмену сложившейся стереотипной корреляции, в этом случае реакция на определённую эмоцию может окрашиваться в разные цвета. Каузативно-результативная структура базового типового сценария при этом сохраняется, вариативность проявляется в семантике цветового предиката, фиксирующего связь стимула (эмоции/чувства) и реакции (состояния). В таких случаях контекст диктует пересмотр конвенционального сценария в пользу ситуативно обусловленного варианта. Тип эмоции и её основной триггер, человек или событие, становятся определяющими факторами активации прототипических или вариативных схем знаний.

Каузация, мотивированная ощущением, располагает ограниченным набором цветовых маркеров изменения состояния, среди них ахроматичный

белый и два хроматичных цвета – красный и синий, например, *побелеть/посинеть от холода*; *turn/go blue from cold*; *покраснеть от зноя*. Лимитированность языковых средств в этом случае связана с наличием объективных фактов, данных в эмпирическом опыте: высокая температура повышает кровяное давление и вызывает покраснение кожных покровов, а экстремально низкая температура, наоборот, приводит к сужению сосудов и, соответственно, к побледнению/посинению кожи. Универсальность физиологических реакций фиксируется носителями разных языков схожим образом, имеет место апелляция к типовому когнитивному сценарию:

(1) *Тело **посинело от холода** и покрылось гусиной кожей* (НКРЯ);

(2) *Our babies **went blue with cold*** (БНК).

Каузация, мотивированная эмоцией/чувством, задействует гораздо более разнообразную палитру для цветовых предикатов, данное наблюдение высказывается как в итра-, так и в интерлингвистических исследованиях [1]. Некоторые лингвисты связывают данный факт с культурной маркированностью цветовых метафор, означающих эмоции: «”цвет” эмоций в разных языках не совпадает» [4, с. 33]. Существует и более радикальная позиция, согласно которой вообще не представляется возможным выделить единый принцип выбора цвета для означивания эмоциональных состояний в русском языке: «выбор цветообозначения определяется ...внутренним убеждением говорящего, когда ...в качестве эталона может привлекаться избираемый по случаю цветовой образец» [1, с. 50]. Во главу угла положен принцип личностно-мотивированного цветообозначения эмоционального состояния, отрицающий устойчивую связь между эмоцией и её физиологическим проявлением, по крайней мере, в той части, которая фиксируется знаками языка.

Данные БНК и НКРЯ свидетельствуют о более сложной картине – существует определённая корреляция между типом эмоции и цветовым обозначением физиологического эффекта: базовые эмоции вызывают относительно унифицированную реакцию со стороны носителей английского и

русского языков; чем сложнее эмоция/чувство, тем разнообразнее выбор цветового решения как в пределах одного языкового сообщества, так и в двух разных языковых культурах при их сопоставлении. Например, от злости/гнева чаще всего краснеют или белеют как британцы, так и носители русского языка:

(3) *He went white with rage* (БНК);

(4) *Она вся от злости побелела и стоит неподвижно, как идол* (НКРЯ);

(5) *Потом она внезапно разозлилась и покраснела от злости* (НКРЯ);

(6) *Then she saw the white roses and her face turned red and angry* (БНК).

В (3)–(6) активируются два типовых сценария переживания одной и той же эмоции; пресуппозиция определённой реакции обусловлена наивными знаниями из области физиологии эмоций: *X побелел от Y* или *X покраснел от Y*, где *X* – субъект состояния, а *Y* – эмоция, каузирующая состояние.

Полученные данные подтверждают выводы А. Стейнвалла, сформулированные по итогам анализа продуктивности цветообозначений в английском языке. Исследователь соотнес 50 терминов-колоронимов со 135 лексемами, обозначающими эмоции, и математически определил частотность словоупотреблений колоронимов и эмотивов [11]. Оказалось, что наибольшую продуктивность демонстрируют лексемы «красный» и «белый» и их производные, маркируя разные эмоции и чувства в диапазоне от любви и радости до злости и страха. Согласно А. Стейнваллу, два базовых отрицательных концепта ANGER и SADNESS с субкатегориальными концептами RAGE, SHAME и NEGLECT ассоциативно соотносятся с красным цветом – «ANGER and SADNESS draw on the red category», а концепт FEAR связан с представлением о белизне – «FEAR is more strongly connected with whiteness» [11, с. 193].

По данным двух корпусов, «красный» демонстрирует наибольшую вариативность сочетаемости и означает разные эмоции, однако есть типичные и атипичные (единичные) сочетания и к числу стереотипных схем

знаний относится ассоциирование смущения и стыда с красным, а страха и испуга с белым:

СТРАХ/ИСПУГ=>БЕЛЫЙ:

(7) *She went white with shock* (БНК);

(8) *Пожилкой еврей побелел от страха* (НКРЯ);

(9) *Лицо Риты побелело от испуга* (НКРЯ);

СМУЩЕНИЕ=>КРАСНЫЙ:

(10) *I turned red with embarrassment* (БНК);

(11) *Он судорожно сглотнул и покраснел от смущения* (НКРЯ);

ЗЛОСТЬ=>БЕЛЫЙ/КРАСНЫЙ:

(12) *He hated to be thwarted and went white with rage* (БНК);

(13) *Прямо побелел от злости Иона Овсеич* (НКРЯ);

ВОЛНЕНИЕ/ВОЗБУЖДЕНИЕ=> КРАСНЫЙ:

(14) *His face turned red with temper* (БНК).

В целом признавая определённую степень субъективности при цветовом означивании эмоций по сравнению с аналогичным означиванием ощущений, нельзя, однако, отрицать тот факт, что физиологическая реакция на возникновение эмоции часто происходит в соответствии с типовым сценарием, особенно если триггером цветоизменения состояния является базовая, часто краткосрочная эмоция. Сходство физиологических реакций на одну эмоцию представителей разных культур объясняется, с одной стороны, врожденностью базовых эмоций в сенсомоторный опыт, с другой стороны, наличием общих схем знаний, детерминированных единым пространством глобальной культуры, ценности которой разделяются носителями английского и русского языков.

Гораздо более вариативно цветовое означивание сложных чувств:

(15) «*Virginia, you're not afraid of me, are you?*» *She went red with mortification* (БНК);

(16) *Жолудев побелел от обиды* (НКРЯ);

(17) *Пират посинел от обиды* (НКРЯ);

(18) *Мой брат побледнел от оскорбления, потом покраснел* (НКРЯ);

(19) «*Ask him about diamond ventures in Australia and poor Thomas*», *Samuel turned red, then white*. «*I have nothing to say*» (БНК);

(20) *Ключник нахмурил брови; румяные его щеки побелели от досады* (НКРЯ);

(21) *Щеки Ирины Аркадьевны даже побелели от возмущения* (НКРЯ);

(22) *Нина и Дмитрий... побелели от волнения* (НКРЯ).

Одно и то же чувство может вызывать разные субъективные реакции как внутри одной языковой группы, так и в двух разных языковых сообществах (15)–(17), и даже в пределах одной денотативной ситуации устойчивость реакции на эмоцию не гарантирована [18; 19]. Разные эмоции и чувства могут окрашиваться в один цвет (20)–(22). Физиологический ответ на глубокое чувство, переживаемое длительное время, в значительной степени субъективен и обусловлен личностным опытом и личностными переживаниями субъекта. Однако возникновение ситуативных вариантов типового сценария не противоречит тезису о прототипичности глобальной ситуации цветоизменения состояния под воздействием эмоции/чувства. В НКРЯ сочетания типа «посинел от обиды» или «посинел от удовольствия» носят окказиональный характер, тогда как «красный» и «белый» демонстрируют прототипичность в означивании соответствующих эмоций.

Чувства и составные эмоции, например, «зависть» могут принимать разную цветовую окраску в пределах одной языковой культуры в зависимости от целого ряда факторов – причины, контекста, участников ситуации:

(23) *Малинин покраснел ещё больше – наверное, от зависти!* (НКРЯ);

(24) *Мишина мама сказала, что государство заботится о матерях-одиночках и выплачивает им такие огромные деньги, что сам Ротшильд позеленел бы от зависти* (НКРЯ);

(25) *И, увидев её розовое тело, кораллы побелели от зависти* (НКРЯ).

Тот факт, что зависть, например, помимо цвета-прототипа «зелёный» в русскоязычной культуре может принимать иной, порой неожиданный колер, свидетельствует о пластичности сложных чувств. Зависть сопряжена с симультанным переживанием смежных эмоций – страха, отвращения, например, а триггером зависти могут стать самые разные причины – люди, вещи, события.

Высказанное предположение базируется на концепции Дж. Лакоффа о значении слова как репрезентанта сценарной структуры организации знания [3]. В прототипический сценарий гнева, по Дж. Лакоффу, помимо субъекта эмоции включены причина переживания (событие) и следствие (утрата контроля, наказание) [3, с. 520]. Следовательно, закономерно было бы предположить, что каузатор-эмотив не замыкает пропозицию Субъект<=Цветовой предикат<=Каузатор-эмотив, а сама пропозиция при этом является элементарной в ряду нескольких соположенных пропозиций, составляющих итоговый сценарий ситуации цветоизменения состояния под влиянием эмоции/чувства. Реконструкция целостной ситуации предполагает учёт каузатора первого порядка, истинной причины цветоизменения состояния: Субъект<=Предикат<=Каузатор²<=Каузатор¹.

В работе [6] данный тип каузации, мотивированный эмоцией/чувством, описывается понятием «неполная каузация», которая обусловлена производностью соответствующей эмоции или чувства от внешнего раздражителя (зависть предполагает наличие объекта зависти). Для понимания целостной ситуации требуется учёт дополнительного компонента в цепи каузативных связей: глагольный цветовой предикат<= вторичный каузатор-эмоция/чувство<=первичный каузатор (человек или событие). Вероятно, именно первичный каузатор может прояснить мотивацию выбора определённого цвета для обозначения эффекта эмоции/чувства в контексте конкретной ситуации.

Заключение

По итогам исследования выяснилось, что при разграничении базовых и сложных эмоций/чувств можно обнаружить определённую закономерность в языковой реализации прототипических сценариев цветоизменения состояния: чем сложнее эмоция-каузатор, тем менее предсказуемой становится ответная физиологическая реакция. Так, базовые эмоции злости или гнева, как правило, стимулируют схожие реакции у носителей двух языков, тогда как на сложные эмоции/чувства, например, зависть или обиду, субъекты реагируют по-разному, на что указывает разнообразие цветовых глаголов в описании эффекта воздействия соответствующего чувства или эмоции. Данный тезис подтверждается как на материале одного корпуса, так и при сопоставительном анализе.

Таким образом, гипотеза о прототипичности ситуации цветоизменения состояния оказывается состоятельной преимущественно в том случае, когда реакция субъекта каузируется ощущением или базовой краткосрочной эмоцией. Каузация цветоизменения состояния сложным чувством, переживание которого сопряжено с личностными психофизиологическими свойствами и укоренёнными в сознании социокультурными стереотипами, обуславливает определённую вариативность реакций и предполагает обязательный учёт расширенного круга участников денотативной ситуации – помимо основных (субъекта состояния и каузатора-эмотива) требуется учёт каузатора первого порядка и его атрибутов.

Список литературы:

1. Бочкарев А. Е. О цветовых обозначениях чувств и эмоций в русском языковом сознании // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Том 15, № 4. Нижний Новгород, 2017. С. 43–51.
2. Калимуллина Л. А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты (с привлечением материала славянских

языков): автореф. на соиск. уч. степ. д. филол. наук. Уфа: Башкирский гос. университет, 2006. 48 с.

3. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., Гнозис, 2004. 792 с.

4. Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Яковлева Э. Б. М., ЮНИОН РАН, 2017. 86 с.

5. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

6. Симоненко М. А. Каузация цветоизменения состояния: две пропозициональные стратегии // Russian Linguistic Bulletin. № 4 (52). С. 1–4.

7. Харченко В. К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты. М.: URSS, 2023. 216 с.

8. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: Учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.

9. Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley; Los Angeles: Univ of California press, 1969. 210 p.

10. Charnavel I. Linguistic Perspectives in Causation // Perspectives on Causation. Jerusalem Studies in Philosophy and History of Science. E. Bar-Asher Siegal, N. Bohen (eds.). Springer, 2020.

11. Steinvall A. English Colour Terms in Context. Umeå universitet, 2002. 275 p.

References:

1. Bochkarev A. E. O cvetovykh oboznacheniyax chuvstv i e'mocij v russkom yazykovom soznanii // Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Tom 15. № 4. Nizhnij Novgorod, 2017. P.43-51.

2. Kalimullina L. A. Semanticheskoe pole e`motivnosti v russkom yazy`ke: sinxronny`j i diaxronicheskij aspektu` (s privlecheniem materiala slavyanskix

yazy`kov): avtoref. na soisk. uch. step. d. filol. nauk. Ufa: Bashkirskij gos. universitet, 2006. 48 s.

3. Lakoff Dzh. Zhenshiny`, ogon` i opasny`e veshhi: Chto kategorii yazy`ka govoryat nam o my`shlenii. M., Gnozis, 2004. 792 s.

4. Nagornaya A. V. Lingvosensorika kak perspektivnoe napravlenie sovremenny`x lingvisticheskix issledovanij: Analit. obzor / RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. yazy`koznaniya; Otv. red. Yakovleva E`. B. M., YuNION RAN, 2017. 86 s.

5. Paducheva E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 2004. 608 s.

6. Simonenko M. A. Kazuciya czvetoizmeneniya sostoyaniya: dve propozicional`ny`e strategii // Russian Linguistic Bulletin. № 4 (52). S. 1–4.

7. Xarchenko V. K. Lingvosensorika: fundamental`ny`e i prikladny`e aspekty`. M.: URSS, 2023. 216 s.

8. Shaxovskij V. I. Yazy`k i e`mocii v aspekte lingvokul`turologii: Uchebnoe posobie. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2009. 170 s.

9. Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley; Los Angeles: Univ of California press, 1969. 210 p.

10. Charneval I. Linguistic Perspectives in Causation // Perspectives on Causation. Jerusalem Studies in Philosophy and History of Science. E. Bar-Asher Siegal, N. Bohen (eds.). Springer, 2020.

11. Steinvall A. English Colour Terms in Context. Umeå universitet, 2002. 275 p.

Информация об авторе:

М. А. Симоненко – кандидат филологических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

Information about the author:

М А. Simonenko – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.06.2024; одобрена после рецензирования 08.08.2024; принята к публикации 10.08.2024.

The article was published 22.06.2024; approved after reviewing 08.08.2024; accepted for publication 10.08.2024.